

Петь для Хосе Куры не главное. Главное — установить контакт с залом.

ДАЙ ТЕНОРУ ВОЛЮ

В МОСКВЕ ВЫСТУПИЛ ХОСЕ КУРА

26 июня

Известия - 2004 - с. 9.

В прошлый приезд Хосе Кура рекламировался как «оперный секс-символ». На этот раз — как «идальго оперной сцены». В любом случае понятно, что знойный аргентинец берет не только голосом, но и чем-то еще. Чем именно — пошла посмотреть в арендованную по такому случаю «Новую оперу» музыкальный обозреватель «Известий» ЕКАТЕРИНА БИРЮКОВА

Первый номер концерта — увертюру к «Набукко» в исполнении оркестра «Новой оперы» и венгерского дирижера Тамаша Пала — зрители провели в томительном ожидании. Не вышел тенор и ко второму номеру — хотя в программе значилась ария Дика Джонсона из пуччиниевской «Девушки с запада». Но это уже была уловка. Просто Хосе Кура презирает консервативный жанр сольного концерта и реформирует его всеми возможными способами. Первый способ — отсиживаться за кулисами во время вступительных тактов и выходить на сцену уже когда надо петь. При этом надо демонстративно прижимать палец к губам и решительным жестом отвергать нарастающие аплодисменты, делая вид, что тебе они очень неприятны.

Второй способ — разговаривать. Недослушав собственной последней ноты, Кура выдохнул «Добрый вечер» на неплохом русском языке, и зал тут же зашелся от восторга. Говорить он так потом весь вечер и не прекращал. И по-английски, и — посредством специально вызванной на сцену переводчицы Люды — по-русски. Разговаривал с женщинами, детьми, видеопиратами и фотографами-папарацци. Пиратам советовал прикрывать рукой красный огонек во время запрещенной видеосъемки, чтобы со сцены не видно было. Слово «папарацци» умудрился произнести между двумя нотами арии Альфреда из «Травиаты».

Когда говорить с залом уже было не о чем, Кура повернулся к нему спиной и взмахнул руками. Поднялся занавес, за которым стоял нарядный хор «Новой оперы». «Good evening. Are you o'k?» — дружелюбно спросил певец. «Yes», — хором ответил хор. После этого певец некоторое время молчал и очень импозантно размахивал руками, поводил плечами и приседал всем туловищем — дирижировал «Половецкими плясками» из оперы Бородина «Князь Игорь».

Встать самому за пульт — это еще один способ разнообразить концерт. К дирижированию Кура относится очень серьезно. В

прошлый раз это ему продемонстрировать так и не удалось — только что взяли «Норд-Ост», обстановка в Москве была нервная, и дирижерский дебют Хосе Куры в Большом зале консерватории пришлось отменить. Но на сей раз все случилось по полной программе. Бородин прозвучал громко и скучно. Кому не нравится — можете сравнить с дирижерским искусством Тамаша Пала. Того и слушать гораздо скучнее, и посмотреть не на что. Правда, с Феликсом Коробовым, новым главным дирижером «Новой оперы», вышедшим к пульту во втором отделении концерта, лучше не сравнивать. Тот все-таки профессиональный человек. И, судя по всему, с неплохим чувством юмора — очень уж карикатурно он на бисах приседал всем туловищем. Видно, решил перенять у аргентинского коллеги некоторые секреты его успеха.

А секретов у того — предостаточно (многие нам уже знакомы по первому концерту Куры в Москве, данному в Кремле на пару с Любовью Казарновской). Как казаться на сцене заматерелым плейбоем. Как картинно запрокинуть голову и, будто для рекламы шампуня от перхоти, трянуть роскошной кошной волос. Как поиграть накачанным торсом, скрывающимся под свободной шелковой рубашкой. Как подарить оркестрантке только что полученный букет — да с таким видом, чтобы муж ей потом устроил сцену ревности. Как, в конце концов, продемонстрировать свою благородную усталость, которую он, так и быть, готов ради нас с вами преодолеть. Перед каждым поклоном певец делал мощный выдох, как перед толканием штанги. А одну из последних арий спел с махровым полотенцем в руках — чтобы все видели, как он взмок.

Взмокнуть, в принципе, было от чего. Несмотря на то, что много времени ушло на разговоры, дирижирование и прочие отвлекающие маневры, один из самых высококотирующихся сейчас в мире теноров успел спеть десяток арий из своего фирменного репертуара (Верди, Пуччини, Леонкавалло, Чилеа) и выжать из мощной грудной клетки немало громких нот. Спору нет, природа наделила его сильным голосом и изо всех дыр лезущей маскулинностью, которую так ценят почитательницы мексиканских сериалов. Осталось добавить чувство меры и чувство вкуса. А без этого вот уже второй раз вместо настоящей оперы нам достается одно сплошное мыло.